

Маятник души.Рассказ А. С. Грина.

Великолепные трагедии расцветают на фоне нынешней действительной недействительности.

Большинство их — трагедии любви, смерти, подвига, перевозбужденного сознания и — озверения.

Но есть трагедии-орхидеи, среди этих черных роз и жестких бес-
смертников. Одна такая трагедия встрети-
лась на моем пути.

Представьте человека лет тридцати, болезненного, но с спокойным ли-
цом, восседающего у раскрытого окна.

Человек в халате и туфлях. На его голове — голубая, не то татарская, не то греческая чеп-
лашка. Пред ним, на подоконнике, стакан крепкого ча-
я, ягоды, папиросы и развернутая книга: пятый том Салиаса.

Против хозяина сидела серенькая молодая кошка с голубой ленточ-
кой на шее и умывалась.

С первых же минут встречи меня поразило то, что хозяин, чрезвычайно
внимательно выслушивая мои сообщения — мои рассказы о военных и
революционных событиях, — ограничивался, в лучшем случае, коротким

РУКОПИСЬ РАССКАЗА А. С. ГРИНА «МАЯТНИК ДУШИ»

Лист первый, 1917 г.

Центральный архив литературы и искусства, Москва

МАЯТНИК ДУШИ

Великолепные трагедии расцветают на фоне нынешней действитель-
ной недействительности.

Большинство их — трагедии любви, смерти, подвига, перевозбужден-
ного сознания и — озверения.

Но есть трагедии-орхидеи, среди этих черных роз и жестких бес-
смертников. Одна такая трагедия встрети-
лась на моем пути.

Представьте человека лет тридцати, болезненного, но с спокойным ли-
цом, восседающего у раскрытого окна.

Человек в халате и туфлях. На его голове — голубая, не то татарская,
не то греческая чеплашка. Пред ним, на подоконнике, стакан крепкого
чая, ягоды, папиросы и развернутая книга: пятый том Салиаса.

Против хозяина сидела серенькая молодая кошка с голубой ленточ-
кой на шее и умывалась.

С первых же минут встречи меня поразило то, что хозяин, чрезвычайно
внимательно выслушивая мои сообщения — мои рассказы о военных и
революционных событиях, — ограничивался, в лучшем случае, коротким

— Я знаю это, — улыбаясь заговорил он. — А вы мне вот что скажите: случилось ли вам испытывать чувство *исторической* зависти?

Я не понял и сказал это.

— Кажется, я употребил неудачное слово, — продолжал Реньев. — Я поясню свою мысль: когда мы глядим в прошлое, на некоторые изумительные страницы истории, полные сказочно величавых дел, слов, поступков, людей — гремящих и страшных; картин трагических и волнений отдельных жизней, напоминающих цветные огни; когда все это звучит в нашем сознании сложной, как любовное чувство, мелодией, обвеянной столетиями искусства, применившего кисть, резец, перья и клавиши для поэтического увековечения происшедшего, мы, — я, по крайности, — испытывал лихорадочное желание жить в тех эпохах, участвовать в тех событиях...

— Или таких же... — перебил я.

— Или таких же, да, — и быть хотя бы рядовым человеком, но современным этим восхитительным, грандиозным кипениям. Даже жертвы истории казались мне избранниками судьбы, плачущими от счастья.

— Обычный обман зрения.

— Да. Тогда, до войны... а вы знаете, какую серую, затертую жизнь я тогда вел, — жизнь маленького службиста, тогда я еще не понимал великого смысла одиннадцати букв: «перспектива». Возьмем, например, картину, пейзаж хотя бы, и сравним ее с картиной истории. Как немислимо проникнуть в перспективу нарисованную, с целью рассмотреть предполагаемое ее содержание, например, природу гор, лес и т. п., так же немислимо проникнуть в перспективу историческую, чтобы узнать, как жили массы, составляющие фон и даль картин исторических... Там все смутно, слито, эскизно, лишь на переднем плане выступают яркие образы, сцены борьбы героической... Между тем, я сам, в 14-том году, находился же ведь в глубине перспективы... однако — то настоящее не могло быть мне, понятно, тогда ни перспективой и ничем иным, кроме себя, переживающего то-то и то-то.

Вот поднялась война, а за ней прогремела великая революция. Согласен, что войны *такой* еще не было. Согласен я и с тем, что диапазон нашей революции циклопичен в сравнении с великой французской революцией. Ряд первых потрясений, принявших хроническую затяжность, утомил меня за четыре года, как бочка водовозную клячу, а пестрая смена на различных пьедесталах — больших и пребольших — определенно исторических фигур стала ежедневным пайком. Я ждал, что испытаю историческую влюбленность в это вот настоящее и получу счастье волшебника, опирающего маковым зерном дворцы и храмы. Однако я точно видел, у кого на сапоге дырка, кто пьет валериановые капли и кто где достает масло; видел, что идет дождь, что дворники метут улицы и что ноги от ходьбы устают совершенно так же, как уставали они при Цезаре или Марате. Я привык к выстрелам, холодно рассуждаю о голодовках и даже цепелинная бомба, разорвись она на полгорода, весьма умеренно заставила бы меня вздрогнуть. И стало мне *так же* скучно, как во времена дремлющего на солнцепеке городского, пожарной каски среди кухонного стола и острополитических маевки, с гимназической их любовью и распеванием стихов Некрасова. Я уразумел, что парижанин 93-го года имел право рассеянно проходить мимо гильотины, прислушиваясь к стуку топора так же панически *, как к стуку маятника.

* В печатном тексте — «равнодушно». Возможно, — правка автора.

она, съ неменяющимъ увлечениемъ, вторитъ комариному писку.

— А затѣмъ?

— Дайте срокъ. Когда нибудь, очажно сытый такимъ, несмѣйтесь! историческимъ благополучиемъ, я снова произнесу эти роковыя слова...

— См. выше?

— Да. Вотъ счастливы! Марат! Наполеон! Алая и бѣлая Роза! Марія Стюарт! Спартак! Карфаген! Рим!

— Отлично. О-хо-хо!

— Да...

Сорокъ человекъ на ящикѣ мертвеца...

По-хо-хо!

И бутылка рома! *

А. С. Грина

1-ая выставка Общины Художниковъ 1917 г.

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ РАССКАЗА А. С. ГРИНА «МАЯТНИК ДУШИ»

Окончание рассказа, из которого изъятъ заключительные строки

Журнал «Республиканецъ», 1917, № 37—38

Затемъ произошло следующее. Перспектива 1913 года стала таки действительно перспективой, и я съ волнениемъ, съ завистью обратилъ свой взглядъ на ее душистое, спокойное лето, ленивую зиму, на ее обжорные чайные столы, холодную водку, книги о любовныхъ историяхъ и на ее общіе благодушные размышления «о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ»... Какъ были счастливы те люди, которые... (См<отри> выше.) На крыше вагона приехалъ я сюда, искренно волнуясь отъ мысли, что буду есть жареныхъ окуней и собирать грибы... Если еще такъ недавно душа моя трубила восстание, то теперь она съ меньшимъ увлечениемъ вторитъ комариному писку.

— А затѣмъ?

— Дайте срокъ. Когда-нибудь, по горло сытый такимъ — не смейтесь! — историческимъ благополучиемъ, я снова произнесу эти роковыя слова...

— См<отри> выше?

— Да. Вотъ счастливы! Марат! Наполеон! Алая и Бѣлая Роза! Марія Стюарт! Спартак! Карфаген! Рим!

— Отлично. О-хо-хо!

— «Сорокъ человекъ на ящикѣ мертвеца...

По-хо-хо!

И бутылка рома» *.

Черезъ неделю я получилъ извѣстие, что Репьевъ застрѣлился.

Мнѣ не было его жалко. Онъ шелъ путемъ зрителя.

Между темъ грозная живая жизнь кипѣла вокругъ, сливая свою героическую мелодію съ взволнованными голосами души, внимающей ярко озаренному будущему.

* Р. Стивенсон. Остр<ов> сокровищъ. <Прим. А. С. Грина.>